

Г. Н. Кочешков, Е. А. Любимова

**Праздник как средство институционализации большевистской культуры
(по материалам Ярославской губернии)**

Статья посвящена проблеме распространения и институционализации большевистской культуры в первое послереволюционное десятилетие (1917–1927 гг.). Дается краткая характеристика большевистских праздничных мероприятий. Авторы анализируют роль праздников в процессе укрепления советской власти.

Ключевые слова: праздник, культура, большевики, праздничные мероприятия.

G. N. Kocheshkov, E. A. Luibimova

**Holidays as a Mean of Institutionalization of Bolshevik Culture
(on the material of the Yaroslavl region)**

The article is devoted to the problem of dissemination and institutionalization of Bolshevik culture during the first decade after the Revolution (1917–1927). A short characterisation of Bolshevik festival actions is given. The authors analyze the role of holiday to strengthen the Soviet power.

Keywords: holiday, culture, Bolsheviks, festival activities.

В праздничной культуре всегда находили отражение изменения, происходящие в политической, экономической, культурной и религиозной сферах жизни общества, преломлялся социально-исторический опыт поколений. Социокультурные процессы, имевшие место после Октябрьского переворота 1917 г., обусловленные сменой идеологии, переоценкой ценностей, активно влияли на праздничную культуру. Большевики, придя к власти, большое внимание уделяли созданию новых празднеств, считая их «школой под открытым небом», возможностью распространения своих идей: первое послереволюционное десятилетие было временем творческого поиска оптимальных форм празднований, периодом становления советских праздничных традиций.

Сочетая политику устрашения и запретов с праздничными технологиями, большевики старались упрочить свои позиции. Праздники являлись затратными мероприятиями, требующими разнообразных сценариев; методы устрашения обходились не так дорого, не требовали тщательной подготовки: большевики не отказывались от праздников даже в сложный период борьбы за власть, поскольку понимали их потенциал. Желая видеть народ, объединенный победой над прошлым, консолидированный идеей построения коммунизма, большевики, оправдывая использо-

вание ими методов принуждения, вводили новые революционные праздники, стремясь перечеркнуть старую культуру.

Принимая во внимание тот факт, что в царской России было большое количество праздничных и выходных дней (на рубеже веков их насчитывалось 98), большевики не решились сократить их количество, тем не менее, предпринимали попытки модернизации календаря с целью введения новых революционных празднеств, утверждая, что «время праздников, как их привыкли... понимать и проводить в старое время, прошло» [5, с. 3]; они стремились провести переориентировку внимания с религиозных и природных праздников на праздники государственные, имеющие под собой историческую основу. Для того чтобы праздники стали правильно интерпретироваться, приходилось не только вести их пропаганду среди населения, но и разъяснять смысл проводимых торжеств. При этом большевиками изначально был взят бодрый тон, свидетельствующий о том, что население отказывается от традиций празднования, поскольку дореволюционный праздник – «день пьянства, дикого разгула, буйства, драк и пожаров» [1, с. 17] – связан с господством суеверия и предрассудков.

Смысл вводимых революционных торжеств большевики видели в том, чтобы закреплять в

памяти народа свои идеи, заново переживая революционные события; новые празднества призваны были сформировать позитивное восприятие советской действительности. По образному выражению А. И. Мазаева, первые большевистские праздники – «речь революции о самой себе, речь в пользу нового порядка вещей, сказанная тысячами голосов и многократно повторенная» [8, с. 193]. Большевики стремились к тому, чтобы праздники отражали позитивные, с их точки зрения, изменения, происходившие в послереволюционном обществе. Советские праздники считались высшими проявлениями социокультурных достижений; вместе с тем большевики искали возможности скрыть за праздниками страшную реальность. Д. Рейли считал, что это удавалось сделать за счет популистских методов, к которым он отнес организацию «незамысловатых развлечений в сочетании с бесплатными угощениями, а то и амнистию дезертиров и уголовников» [10].

Залогом существования праздника являются общие, разделяемые социумом ценности: К. Жигульский утверждал, что праздник является «фазой общественной жизни, в которой с особой наглядностью выявляются ее механизмы, в первую очередь – система ценностей» [3, с. 20]. Большевистские праздники не были приняты частью населения, поскольку предусматривали разрыв с устоями и традициями. Особенно болезненно воспринимался курс на искоренение религии: например, в Ярославле за одну ночь были сорваны все афиши, объявляющие об очередном антирелигиозном празднике [14]. В первое послереволюционное десятилетие наблюдались ситуации, когда праздник представлял собой арену борьбы альтернативных праздничных культур – дореволюционной, в основе которой лежала религиозная система ценностей, ориентированная на опыт поколений, и советской, мыслимой как экспериментальная площадка по формированию праздников, всецело подчиненных большевистской идеологии.

Трансляция большевистской системы ценностей, имевшая место во время революционных праздников, позволяла консолидироваться силам, поддерживающим советскую власть: не случайно словосочетание «смотреть сил» большевики использовали как синоним слова «праздник». Одной из приоритетных форм осуществления такого «смотра» являлись праздничные демонстрации, имевшие сходство с протестными и военными маршами, и поэтому отвечавшие духу времени. В целом, характерной чертой первых революцион-

ных празднеств была ориентация на военизацию торжеств: стремясь подчинить праздник строгой, сродни армейской, дисциплине, большевики пытались создать оазис порядка в стране, страдавшей от разрухи и долгого безвластия, чье население за годы войн и революций отвыкло от каждодневного созидательного труда.

Противоречивость феномена праздника проявляется в том, что для успешной его организации необходимо соблюсти баланс строгой регламентации посредством четко оговоренных функций участников празднеств и спонтанности, важной для игрового компонента. Сделав ставку на контроле не только над проведением торжеств, но и над праздничными эмоциями людей, большевики поставили игровое начало праздников в зависимое от идеологии положение, что заложило предпосылки к утрате торжественными мероприятиями истинной праздничности, притягательности и непосредственности. О неискренности революционных праздников писал идейный противник большевиков В. В. Шульгин, для которого субботник (праздник безвозмездного труда на благо Родины) стал «последним словом большевистской изобретательности» [15, с. 398].

Известно, что потребность в празднике уменьшается там, где возрастает благосостояние и уровень образованности населения, поэтому в тяжелые послереволюционные годы большевики выискивали повод для праздника, чтобы население временно сбросило груз повседневных забот и тягот, удовлетворило эстетические потребности; праздник был поводом создать видимость благополучия и изобилия. Создаваемую картину народного ликования невозможно было представить без праздничной толпы. С целью распространения революционной культуры большевики пытались вовлечь в революционные празднования как можно большее число участников: своеобразным доказательством демократизации новой праздничной культуры считалось участие в советских торжествах женщин и детей.

Создавая праздник, посвященный женщинам, – Международный день работницы – большевики ориентировались на двойные стандарты: с одной стороны, они призывали женщин активно включаться в борьбу с противниками революции. Женщин призывали становиться сестрами милосердия, проводить дополнительные работы с отчислением заработка в пользу красноармейцев. Работниц и крестьянок привлекали также к борьбе «с хозяйственной неурядицей, голодом, холодом, болезнями, разрухой транспорта» [6, с. 7]. «Бес-

кровному фронту труда» придавалось большое значение в процессе восстановления народного хозяйства, от женщин требовали классовой сознательности, выносливости, способности преодолевать трудности. С другой стороны, большевики мыслили День работницы и как праздник материнства. В этот день Женотделы организовывали праздник для тех, кто был лишен материнской заботы: в 1921 г. воспитанники ростовских детских домов получили в подарок от женщин обед «лучшего качества с хлебом» [12]. К празднику приурочивались открытия родильных домов, яслей и детских садов. В 1923 г. в Ярославле женщины в преддверие 8 марта отработали сверхурочно, направив выручку на благотворительные цели, дав старт кампании по охране материнства и детства [13]. Организуя подобные мероприятия, большевики ожидали от женщин качеств, традиционно приписываемых слабому полу: сострадания и милосердия, нежности и заботы.

Праздники являлись одним из самых продуктивных способов трансляции образа «новой женщины», они служили поводом для самовосхваления власти: подчеркивалось, что только после Октябрьской революции женщины смогли реализовать себя в общественной жизни.

Организация праздников для детей и молодежи потребовала наибольших усилий, ибо большевики ставили задачу воспитать новое поколение, которому предстояло жить в коммунистическом обществе. Подрастающее поколение принимало участие во всех большевистских праздниках: способность детей искренне радоваться создавала праздничную атмосферу, задавала тон торжеству. Разработка праздничных мероприятий проходила с учетом возрастных потребностей и имела главной целью воспитание достойных граждан, поэтому советские торжества не ограничивались отдыхом и развлечениями; способствовали росту патриотических чувств [2, 7, 9]. Как правило, все праздничные новации проходили апробацию в молодежной среде, поскольку подрастающее поколение было лучшей аудиторией, живо реагирующей на все изменения. Не имея прочного опыта участия в дореволюционных государственных праздниках, дети и молодежь с раннего возраста впитывали создающиеся каноны новой праздничной культуры.

Большевистские праздники охотно посещались детьми и молодежью по ряду причин, главным образом потому, что организаторы устраивали яркое действо на злободневную тематику. Кроме этого, недостаток развлечений в условиях

восстановления страны после войн и революций делал советские празднества привлекательными. Третьей причиной следует назвать пропаганду, расписывающую достоинства большевистских праздников и клеймящую позором торжества идейных противников (например, праздничные богослужения).

Объявив свою власть диктатурой пролетариата, большевики не могли не считаться с тем, что большинство населения страны составляло крестьянство, поэтому институционализация советской культуры в деревне имела свою специфику. Причиной неприятия подавляющим числом крестьян революционных празднеств являлась антирелигиозная пропаганда – неотъемлемая черта большевистских торжеств. Еще одним фактором, сдерживающим распространение новой культуры, была удаленность деревень от городов – культурных центров советской власти: во многих населенных пунктах праздники не были регулярными (главным образом, вследствие недостаточности средств на проведение праздничных мероприятий, а также в силу бездорожья и распутиц, перекрывавших доступ к деревням). Успешность проведения большевистских празднеств во многом зависела от их совпадения или несовпадения с сельскохозяйственным циклом. Для крестьянства устанавливался специальный праздник – День урожая, который включал не только торжество по окончанию полевых работ, но и мероприятия, направленные на просвещение крестьян в различных областях – от политики (навязывание большевистских представлений) до агрономии (лекции по научному ведению хозяйства). Большевиками сознательно поддерживался высокий уровень социальной напряженности в деревне даже в праздничные дни: зажиточные крестьяне – кулаки – объявлялись персонами нон грата на советских торжествах, поскольку им в вину ставилось сопротивление власти [4, с. 3]. Крестьянам внушали, что поддержка большевиков обеспечит им лучшую жизнь; праздник, на время которого деревня снабжалась необходимыми товарами, дефицитными в будни, являлся действенной пропагандой.

Организаторы празднеств в Ярославской губернии, как и по всей стране, включились в борьбу за привлечение населения для участия в новых революционных торжествах. Столичные сценарии празднеств подвергались корректировке с учетом проблем и ресурсов региона. Понимая свою ответственность за проведение торжественных мероприятий, организаторы не смогли

избежать недостатков в работе, главным из которых была спешность подготовки. Ярославцы выражали свое недовольство некачественной подготовкой выступлений, отсутствием учета интересов населения («явился, отбарабанил по текущему моменту и ушел» [11]). Продуманные и тщательно подготовленные праздники привлекали ярославцев красочностью, юмором, эстетикой, формировали положительный образ советской власти.

Первое послереволюционное десятилетие стало периодом активного использования социокультурных возможностей праздника как в столице, так и в провинции: праздник являлся действенным средством институционализации большевистской культуры.

Библиографический список

1. Безбожник у станка. – 1926. – № 5. – С. 17.
2. Вечер КИМа в комсомольском клубе и юнсекции [Текст] : сборник под ред и с предисловием ЦК РЛКСМ. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 112 с.
3. Жигульский, К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога [Текст] / Казимеж Жигульский. – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.
4. Известия Яргубисполкома. – 1918. – № 88. – С. 3.
5. Известия Ярославского губернского исполнительного комитета (далее Известия Яргубисполкома). – 1920. – № 86. – С. 3.
6. Известия. – 1920. – № 52. – С. 7.
7. Лето и пионеры [Текст]. – Ярославль, Издание Яргуббюро Ю. П., 1928. – 60с.
8. Мазаев, А. И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования [Текст] / А. И. Мазаев. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
9. МЮД: сборник материалов к XI международному юношескому дню [Текст]. – Л.: Прибой, 1925. – 108 с.
10. Рейли, Д. Вопросы культуры в условиях провинциального коммунизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/files/>

11. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. – О. 27. – Д. 469. – Л. 2.
12. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. – О. 27. – Д. 665. – Л. 27.
13. ЦДНИ ЯО. Ф. 1. – О. 27. – Д. 980. – Л. 211.
14. Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее ЦДНИ ЯО). – Ф. 1. – О. 27. – Д. 980. – Л. 39–40.
15. Шульгин, В. В. Дни. 1920: Записки [Текст] / В. В. Шульгин. – М.: Современник, 1989. – 559с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bezbozhnik u stanka. – 1926. – № 5. – S. 17.
2. Vecher KIMa v komsomol'skom klube i yunseksii : sbornik pod red i s predisloviyem TSK RLLKSM [Tekst]. – M.; L.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1926. 112 s.
3. Zhigul'skiy, K. Prazdnik i kul'tura. Prazdniki staryye i novyye. Razmyshleniya sotsiologa [Tekst] / Kazimezh Zhigul'skiy. – M.: Progress, 1985. – 336 s.
4. Izvestiya Yargubispolkoma. – 1918. – № 88. – S. 3.
5. Izvestiya Yaroslavskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta (daleye Izvestiya Yargubispolkoma). – 1920. – № 86. – S. 3.
6. Izvestiya. – 1920. – № 52. – S. 7.
7. Leto i pionery [Tekst]. – Yaroslavl', Izdaniye Yargubbyuro YU. P., 1928. – 60s.
8. Mazayev, A. I. Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoye yavleniye. Opyt istoriko-teoreticheskogo issledovaniya [Tekst] / A. I. Mazayev. – M.: Nauka, 1978. – 392 s.
9. MYUD: sbornik materialov k XI mezhdunarodnomu yunosheskomu dnyu [Tekst]. – L.: Priboy, 1925. – 108 s.
10. Reyli, D. Voprosy kul'tury v usloviyakh provint'sial'nogo kommunizma [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.sgu.ru/files/>
11. TSDNI YAO. F. 1. – O. 27. – D. 469. – L. 2.
12. TSDNI YAO. F. 1. – O. 27. – D. 665. – L. 27.
13. TSDNI YAO. F. 1. – O. 27. – D. 980. – L. 211.
14. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Yaroslavskoy oblasti (daleye TSDNI YAO). – F. 1. – O. 27. – D. 980. – L. 39–40.
15. Shul'gin, V. V. Dni. 1920: Zapiski [Tekst] / V. V. Shul'gin. – M.: Sovremennik, 1989. – 559 s.